

Не упоминая о других первых спутниках жизни...  
заключу словами спутника поэта: «где время то?..» Но  
кто не помнит стихов Жуковского?

А. И. Тургенев

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА У Ф.Ф. ИВАНОВА\*

В 1811 году и в начале 1812 года в Москве было много жизнни в литературе. Литераторы часто собирались между собою и всякий раз читали друг другу свои произведения. Эти вечера и в то время, и еще прежде бывали по большей части у *Фед. Иванова*, автора известной драмы *Семейство Старичковых*. Тут бывали *Фед. Фед. Кокошкин*, переводчик Мольера «Мизантропа»; *Александр. Фед. Воейков*, переводчик Делилевой поэмы «Сады»; *Батюшков*, когда он приезжал в Москву; *С.И. Смирнов*, тоже занимавшийся литературою, на сестре которого после Мерзляков и женился.

---

В этих вечерах играли иногда в коммерческие игры. Воейков, исстари остряк и весельчак, играл иногда с Мерзляковым не в деньги, а на столько-то стихов!

В.Л. Пушкин, М. Виельгорский и др. Но и в представлении старших арзамасцев — Александра Тургенева и Жуковского — Дружеское литературное общество было тоже «Арзамасом»: в бумагах А.И. Тургенева сохранился документ под названием «Речи и правила, или Уставы поддевиченского Арзамаса».

С 1806 года у Воейкова возобновились поддевиченские собрания, но уже другого характера. О них есть упоминания в мемуарах С. Жихарева: «Александр Воейков задает такие славные литературные вечера и попойки Мерзлякову, Жуковскому, Измайловой, Мартынову, Сумарокову, Каченовскому и многим другим у себя в доме на Девичьем поле» («Дневник студента» СПб., 1859, с. 323; см. также «Дневник чиновника» под 12 окт. 1806 г. в «Отечественных Записках» 1855, № 4, с. 37).

\* Мелочи из запаса моей памяти, с. 161—162.

Мерзляков по большей части проигрывал и за это повинен был проигранное число стихов перевести из «Садов» Делиля, которые он, добродушный, и действительно переводил, а Воейков брал их, как свою собственность, и вставлял в свой перевод Делилевой поэмы. Может быть, он несколько и переделывал их, чтобы они приходились к тону его собственного перевода, но дело в том, что это действительно было\*.

М. Дмитриев

---

\* Н.В. Сушкин вспоминает об этих вечерах Ф.Ф. Иванова, «весельчака, остряка и писателя» (1813—1814 годы): «В шесть-семь часов вечера собирались к нему его приятели и добрые знакомые почти каждый день. Тут часто бывали А.М. Пушкин — певун и балагур, смиренно-степенный Н.И. Ильин (автор «Рекрутского набора», «Лизы и торжества благодарности», «Влюбленного Нелюдима»), всегда любезно говорливый князь И.М. Долгорукий с дочерью (г-жой Новиковой) и с пасынком Пожарским и т. д. Бывали по временам Вяземский, Кокошкин, Воейков, В.Л. Пушкин и пр. В разговорах и спорах приятельских, забавных, остроумных, подчас и важных, поучительных, ученых, мы забываем, что живем на развалинах сожженной Москвы! Музыка, пенье, танцы под клавикорд перемежались чтением припасенных хозяином или гостями стихов, а иногда и тут же написанных под шумок, но вдохновенно или по задаче. Переводчик Тасса (А.Ф. Мерзляков) решительно доказал не один раз возможность итальянской импровизации на русском языке. Он именно был импровизатор — по заказу, тут же, сразу писал, порой и говорил стихи на заданные предметы. Любимая у нас игра была — омоними (слова, имеющие разные значения). Кто не разгадает слова, должен, в наказанье, написать стихи или что-нибудь спеть, или проплясать и т. д. Разумеется, первое наказанье доставалось всех чаще Профессору красноречия. Против него действовали скопом и заговором. И он всегда выходил с честью из затруднения — писать когда ни попало, по заказу, хочешь не хочешь. Мы, прочие, частенько-таки отделялись белыми стихами, а иногда и на русский лад, почти что без всякой меры. А Мерзляков, большею частью, писал с рифмами, если же без рифм, так уж певучим размером своих гекзаметрических, как он называл, песен. Так однажды, в час времени, наш Импровизатор написал рассказ, — теперь можно прямо сказать, — был в повести об одной из на-